

Казымова Надежда Наильевна

Kazymova Nadezhda Nailiyevna

младший научный сотрудник
Лаборатории психологии развития субъекта
в нормальных и посттравматических состояниях
Института психологии Российской академии наук

Junior Research Fellow, Laboratory of Developmental
Psychology of Subject in Normal and Posttraumatic
Conditions, Institute of Psychology of
the Russian Academy of Sciences

ФАКТОРЫ РИСКА И РЕСУРСЫ УСТОЙЧИВОСТИ К ПЕРЕЖИВАНИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ

RISK FACTORS AND PROTECTIVE RESOURCES IN RESILIENCE TO A TERRORISTIC THREAT

Аннотация:

В статье представлены результаты комплексного исследования переживания террористической угрозы, в котором предпринята попытка обращения к интегративным психологическим конструктам, определяющим психологическую устойчивость к террористической угрозе. Впервые в российской психологии анализируется жизнеспособность населения в условиях террористической угрозы. В качестве факторов риска, повышающих восприимчивость к переживанию террористической угрозы, рассматривается наличие психопатологических симптомов и признаков посттравматического стресса. Компоненты психологического благополучия могут быть рассмотрены в качестве ресурсов, поддерживающих жизнеспособность личности и помогающих преодолеть негативные последствия переживания террористической угрозы. Обнаружена отрицательная связь между переживанием террористической угрозы и большинством компонентов психологического благополучия (позитивные отношения с окружающими, автономия, управление средой, личностный рост, цели в жизни, самопринятие, баланс аффекта). Показано, что интенсивное переживание террористической угрозы сопряжено со всеми психопатологическими признаками и высоким уровнем посттравматического стресса. Женщины интенсивнее мужчин переживают террористическую угрозу, они менее устойчивы к информации о терактах, в большей степени предвосхищают теракты и испытывают в связи с этим больший стресс. Обнаружена также и возрастная специфика: для респондентов более старшего возраста характерны более интенсивное переживание террористической угрозы, более выраженные признаки стресса и пониженный уровень психологического благополучия. Описаны различия между респондентами с высоким и низким уровнем переживания террористической угрозы. Лица, устойчивые к переживанию угрозы терактов, сообщают о меньшем уровне психопатологической симптоматики, выше оценивают свое психологическое благополучие в целом. Они более позитивно характеризуют свои социальные отношения, стремятся к большей автономии, легче справляются с повседневными задачами, имеют жизненные цели и стремятся к саморазвитию.

Ключевые слова:

террористическая угроза, переживание террористической угрозы, жизнеспособность, психологическое благополучие, психопатологическая симптоматика, посттравматический стресс.

Summary:

The paper presents the results of a comprehensive study on the experience of terroristic threat. This study appeals to the integrative psychological concepts that determine the psychological resilience to a terroristic threat. The resilience of the population in the face of the terroristic threat is investigated in Russian psychology for the first time. Symptoms of psychopathology and posttraumatic stress disorder are considered as risk factors that may increase sensitivity to the experience of a terroristic threat. The components of the psychological well-being are reviewed as resources maintaining the resilience of a person and supporting to cope with the negative consequences of terroristic threat experience. The research results show the negative associations between the terroristic threat experience and the majority of psychological well-being components (positive relationships with other people, autonomy, management of the environment, personal growth, goals in life, self-acceptance and affective balance). An intense terroristic threat experience is associated with a high level of symptoms of psychopathology and posttraumatic stress disorder. Women have a more intense level of terroristic threat experience, less resilience to an information about terrorism, anticipate new terror attacks to a greater extent and feel more distressed than men. This study reveals an age-related specific nature, i.e. elder respondents demonstrate more intense terroristic threat experience, more posttraumatic stress symptoms, and less psychological well-being. Differences between subjects with high and low levels of terroristic threat experience are discussed. The resilient persons have less psychopathologic symptoms and high psychological well-being in general. These respondents describe their social relationships as more positive. They strive for autonomy and self-development, have life goals, and it is easier for them to cope with everyday tasks.

Keywords:

terroristic threat, experience of terroristic threat, resilience, psychological well-being, psychopathological symptoms, posttraumatic stress disorder.

В психологической науке к настоящему моменту накоплено немало данных, свидетельствующих о стрессогенной природе террористической угрозы. Понимание клинико-психологических последствий переживания террористической угрозы необходимо для разработки эффективных

стратегий снижения негативных исходов воздействия угрозы терроризма на психику человека, среди которых наиболее часто выделяют стрессовые реакции, депрессию, расстройства сна, увеличение потребления психоактивных веществ. Результаты лонгитюдных исследований последствий терактов показывают, что интенсивность посттравматических симптомов, вызванных информацией о терактах, постепенно снижается для большей части социума и сохраняется у особой, уязвимой части общества [1]. В этих исследованиях продемонстрирована способность людей сохранять и поддерживать оптимальный уровень функционирования в экстремальных условиях, восстанавливаться после психотравмирующих событий. Поскольку жизнедеятельность современного человека вынуждена разворачиваться в условиях постоянно действующей угрозы терактов, поиск и изучение ресурсов, позволяющих справляться с жизненными трудностями, эффективно функционировать и добиваться успеха, является актуальной задачей психологии. При этом должны рассматриваться как социальные и социально-психологические ресурсы (например, социальная поддержка, социальные навыки, уровень образования и дохода), так и индивидуально-психологические свойства и характеристики личности.

Переживание террористической угрозы может быть рассмотрено как модель стрессора, действие которого основано не на непосредственном воздействии на человека, а на восприятии информации относительно его присутствия [2]. На сегодняшний день в западной психологии в противовес исследованиям факторов уязвимости и негативных психологических последствий переживания угрозы терактов активно разрабатываются концепции психологической жизнеспособности. Термин «жизнеспособность» в российской психологии был предложен А.В. Махначом в 2003 г. в качестве наиболее адекватного отображения англоязычного термина «resilience». Согласно данному определению жизнеспособность представляет собой «способность человека к преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств с возможностью восстанавливаться и использовать для этого все возможные внутренние и внешние ресурсы, способность к жизни во всех ее проявлениях, базирующаяся на воле к ней» [3, с. 13].

Большинство исследователей склонны рассматривать жизнеспособность скорее как процесс, нежели как устойчивую личностную черту [4]. Отмечается, что действия одних только факторов риска или защитных факторов самих по себе недостаточно для усиления или уменьшения позитивного исхода. Спецификой жизнеспособности как процесса является ее динамичность, заключающаяся в балансировании между факторами риска и защитными факторами. Факторы риска автоматически не приводят к негативным последствиям, их присутствие только подвигает личность воздействию обстоятельств, связанных с высокой вероятностью таких последствий. Защитные факторы обладают позитивным потенциалом независимо от статуса риска. Защитные факторы опосредуют воздействие факторов риска, уменьшая их влияние на индивида в ситуации угрозы и помогая ему успешно адаптироваться [5].

Понятие жизнеспособности является относительно новым конструктом, все еще не имеющим единого определения. Сложности операционализации жизнеспособности имеют своим следствием отсутствие единого инструментария для ее изучения. Представляя собой дедуктивный конструкт, жизнеспособность не может наблюдаться или быть измерена напрямую, однако суждение об уровне жизнеспособности может быть выведено из наблюдаемого поведения индивида или живой системы, испытавших экстремальные воздействия.

С нашей точки зрения, жизнеспособность может быть оценена с помощью конструкта психологического благополучия, который был предложен К. Рифф в 1980-х гг. для обозначения комплекса психологических характеристик, выступающих предпосылками здоровья и счастья. Теоретическая модель и основные ее составляющие берут свое начало в концепции позитивного душевного здоровья, сформулированной в русле гуманистической психологии.

В исследовании в качестве факторов риска, повышающих восприимчивость к переживанию террористической угрозы, рассматривается наличие психопатологических симптомов и признаков посттравматического стресса. Компоненты психологического благополучия могут быть рассмотрены в качестве ресурсов, поддерживающих жизнеспособность личности и помогающих преодолевать негативные последствия переживания террористической угрозы.

Целью исследования стало изучение взаимосвязи переживания террористической угрозы с компонентами психологического благополучия личности, с одной стороны, и наличием психопатологических симптомов и признаков посттравматического стресса – с другой.

В исследовании был применен следующий комплекс методик.

1. *Шкалы психологического благополучия (ШПБ)* [6]. Адаптированный вариант англоязычного опросника, разработанного К. Рифф, включает в себя 6 компонентов психологического благополучия (классические шкалы): 1) *самопринятие*, 2) *позитивные отношения с окружающими*, 3) *автономия*, 4) *управление средой*, 5) *цель в жизни*, 6) *личностный рост*. На основании результатов проведенной русскоязычной адаптации Т.Д. Шевеленкова и П.П. Фесенко предлагают также и новые ключи для обработки данных, согласно которым показателями методики могут быть суммы баллов по следующим шкалам: 1) *баланс аффекта*, 2) *осмысленность жизни*, 3) *че-*

ловек как открытая система, 4) автономия. Кроме того, авторы предлагают производить расчет общего индекса психологического благополучия, получаемого путем суммирования набранных баллов по всем шкалам.

2. *Опросник психопатологической симптоматики SCL-90-r* состоит из 90 утверждений, отражающих наличие определенных соматических и психологических проблем, представленных в 9 основных симптоматических субшкалах: соматизация, обсессивность – компульсивность, межличностная сензитивность, депрессивность, тревожность, враждебность, фобическая тревожность, паранойяльность, психотизм [7].

3. *Миссисипская шкала (МШ)* для оценки посттравматических реакций (гражданский вариант) [8]. Описанные в пунктах опросника поведенческие реакции и эмоциональные переживания объединены в несколько групп и включают: навязчивые воспоминания, аффективную лабильность, различные личностные проблемы и др. Шкала имеет один итоговый показатель, который дает общую оценку выраженности посттравматических реакций.

4. *Опросник переживания террористической угрозы (ОПТУ)* состоит из 50 утверждений и основан на трехкомпонентной структуре переживания террористической угрозы. ОПТУ включает в себя следующие шкалы:

– «Антиципация» – содержит ряд вопросов, направленных на выявление предвосхищающего отношения к террористической угрозе, т. е. меры прогнозирования совершения новых терактов.

– «Устойчивость» – выявляет представление человека о собственной способности противостоять потенциальной угрозе.

– «Признаки ПТС» – содержит пункты о симптомах посттравматического стресса, возникающих в связи с переживанием угрозы терактов.

– Обобщенный индекс, получаемый путем суммирования баллов по всем пунктам опросника, позволяет оценить общую интенсивность переживания террористической угрозы [9].

В исследовании принял участие 301 человек (182 женщины и 109 мужчин) – жителей города Москвы и Московской области. Все участники исследования были разделены на три возрастные группы, соответствующие основным этапам продуктивной деятельности взрослых людей. В юношескую группу вошли респонденты от 17 до 21 года (133 человека, средний возраст – 19,6 года): 80 девушек (средний возраст – 19,67 года) и 53 юноши (средний возраст – 19,6 года). Группу раннего взрослого возраста составили 58 женщин (средний возраст – 26,72 года) и 50 мужчин (средний возраст – 27,44 года) – всего 108 человек (средний возраст – 27,05 года). В старшую группу вошли 60 респондентов в возрасте от 36 до 60 лет (средний взрослый возраст): 44 женщины (средний возраст – 48,07 года) и 16 мужчин (средний возраст – 51,94 года).

Математическая обработка данных проводилась с помощью компьютерной программы Statistica 8.0 и включала в себя процедуры описательной статистики, расчет коэффициента корреляции r-Спирмена, сравнительный анализ групп респондентов с помощью t-критерия Стьюдента (в случае нормального распределения) и U-критерия Манна – Уитни (для распределений, отличных от нормального).

Результаты

1. Исследование переживания террористической угрозы, психологического благополучия и психопатологической симптоматики в группах респондентов разного возраста и пола

Основные используемые в исследовании конструкты были проанализированы в группах респондентов, различающихся по возрасту и полу.

Статистический анализ возрастных различий по показателям ОПТУ был проведен с помощью t-критерия для независимых выборок. Группа респондентов раннего взрослого возраста статистически значимо отличается по шкале «Устойчивость» от юношеской группы ($M_1 = 33,64$, $M_2 = 31,03$, $p = 0,008$) и группы старшего возраста ($M_3 = 34,88$, $p = 0,002$), при этом различий по этой шкале не наблюдается между юношеской и старшей группами ($p = 0,308$). Таким образом, устойчивость к информации о терактах выше в группе ранней взрослости (шкала является обратной: чем выше значение, тем ниже устойчивость). За исключением этой шкалы, юношеская и ранняя взрослая группы не имеют статистически значимых отличий по показателям ОПТУ. Наиболее отлична по всем показателям ОПТУ группа старшего возраста ($p < 0,05$), кроме уже описанного сходства с юношеской группой по шкале «Устойчивость» и одинакового уровня предвосхищения новых терактов со средней группой по шкале «Антиципация» ($M_2 = 57,89$, $M_3 = 61,75$, $p = 0,107$). Притом что люди этого возраста предвидят свершение новых терактов в будущем примерно так же, как и остальные возрастные группы, они испытывают больше симптомов ПТС ($M_1 = 29,59$, $M_2 = 27,73$, $M_3 = 32,60$, $p < 0,05$) и более интенсивно переживают террористическую угрозу в целом ($M_1 = 120,24$, $M_2 = 116,81$, $M_3 = 131,00$, $p < 0,05$).

Таким образом, переживание террористической угрозы наиболее интенсивно среди респондентов старшего возраста. Люди, находящиеся в периоде ранней взрослости, молоды, активны, как правило, имеют работу и стабильный заработок. Это время возможностей и перспектив. Группа более старшего возраста, в которой в нашем исследовании преобладают женщины, может уже не чувствовать той уверенности в своих силах, присущей молодым взрослым. Кроме

того, такие специфические стрессоры, связанные с возрастом, как ухудшение физического состояния, проблемы со здоровьем и другие обстоятельства, ограничивающие возможности представителей старшего возраста, могут повышать чувствительность к угрозам.

Все компоненты переживания террористической угрозы имеют более высокий уровень в группе женщин (различия по t-критерию достоверны на уровне значимости $p = 0,000$ по всем шкалам). Таким образом, женщины интенсивнее переживают террористическую угрозу, что выражается в тревожном ожидании новых терактов, большей восприимчивости к информации о терактах и более высоком уровне посттравматических стрессовых реакций в связи с ней.

Сравнительный анализ возрастных групп по психологическому благополучию с помощью t-критерия показал, что юношеская и ранняя взрослая группы статистически не отличаются друг от друга по выраженности компонентов психологического благополучия ($p > 0,05$), за исключением шкалы «Цели в жизни». Показатели этой шкалы выше в группе раннего взрослого возраста ($M_1 = 63,21$, $M_2 = 65,44$, $p = 0,034$). Выделяется старшая группа респондентов, чьи показатели ШПБ статистически достоверно отличны от других групп в сторону их снижения ($p < 0,05$).

Половые различия обнаружались в таких компонентах психологического благополучия, как «Управление средой» (среднее значение в группе женщин $M_1 = 56,97$, в группе мужчин $M_2 = 59,35$, $p = 0,015$), «Человек как открытая система» ($M_1 = 63,87$, $M_2 = 59,35$, $p = 0,000$) и «Баланс аффекта» ($M_1 = 91,49$, $M_2 = 87,30$, $p = 0,042$). Поскольку общий индекс психологического благополучия статистически значимо не отличается у мужчин и женщин, то можно предположить, что достижение психологического благополучия может обеспечиваться разными способами. Так, более высокие значения по шкале «Управление средой» у мужчин свидетельствуют о большей значимости деловой сферы жизни, о важности компетентности в выполнении деятельности. В структуре психологического благополучия женщин, по сравнению с мужчинами, важнее оказываются открытость новому опыту и преобладание позитивных эмоций.

Психопатологическая симптоматика была изучена в нашем исследовании с помощью методик SCL-90-г и Миссисипской шкалы (MШ), оценивающей выраженность посттравматического стресса.

Аналогично предыдущим результатам сравнения при изучении психопатологической симптоматики участников исследования группа респондентов старшего возраста обнаружила отличия от двух других групп по уровню выраженности признаков посттравматического стресса ($M_1 = 73,77$, $M_2 = 76,55$, $M_3 = 82,88$, $p < 0,05$). Кроме того, выраженность признаков ПТС выше у женщин, чем у мужчин ($M_1 = 79,25$, $M_2 = 72,19$, $p = 0,000$).

Сравнение групп по показателям SCL-90-г осуществлялось с помощью U-критерия Манна – Уитни и не выявило значимых различий между группами. Однако полученные данные позволяют проследить общую тенденцию более низких значений по всем симптоматическим шкалам SCL-90-г у респондентов раннего взрослого возраста (от 22 до 35 лет). Одновременно с тенденцией к более высоким значениям по шкалам психологического благополучия это может говорить о наибольшей ресурсности этой группы в нашем исследовании. Возраст ранней взрослости позволяет человеку вести активный образ жизни, при этом молодые взрослые люди уже могут иметь достаточно высокий социальный статус, предоставляющий им различные возможности для реализации своих целей и желаний, стабильный заработок, устроенную личную и семейную жизнь и т. д., придающие уверенность в своих силах и завтрашнем дне.

Группа людей поздней взрослости (от 36 до 60 лет) имеет более низкое, по сравнению с другими возрастными группами, психологическое благополучие, а также выделяется тенденция к более высоким показателям негативного психопатологического статуса и посттравматического стресса. Однако следует отметить, что в интерпретации результатов по этой группе возможны некоторые ограничения, связанные с неравномерной представленностью мужчин и женщин. Так, преобладание в этой группе женщин почти в три раза не позволяет сделать вывод об отличиях этой группы, обусловленных только лишь возрастом. Распределение показателей, вероятно, испытывает на себе и влияние половых особенностей в формировании психологических реакций на террористическую угрозу, в структуре психологического благополучия, а также в уровне стрессовых реакций.

2. Корреляционный анализ переживания террористической угрозы, психопатологической симптоматики и компонентов психологического благополучия

Была установлена корреляционная взаимосвязь между переживанием террористической угрозы и большинством компонентов психологического благополучия. Результаты представлены в таблице 1.

Из таблицы 1 видно, что существует значимая обратная взаимосвязь между переживанием террористической угрозы и такими компонентами психологического благополучия, как: «Автономия-1» ($r = -0,26$), «Управление средой» ($r = -0,24$), «Личностный рост» ($r = -0,12$), «Цели в жизни» ($r = -0,12$), «Самопринятие» ($r = -0,13$), «Баланс аффекта» ($r = 0,24$), «Автономия-2» ($r = 0,26$). Также установлена обратная взаимосвязь с общим индексом психологического благополучия ($r = -0,21$).

Таблица 1 – Значения коэффициентов корреляции r-Пирсона между показателями методик ШПБ и ОПТУ во всей выборке (n = 301)

ШПБ		ОПТУ	
		r	p-level
Классические ключи	Позитивные отношения с окружающими	-0,11	0,071
	Автономия-1	-0,26*	0,000
	Управление средой	-0,24*	0,000
	Личностный рост	-0,12*	0,044
	Цели в жизни	-0,12*	0,038
	Самопринятие	-0,13*	0,022
Дополнительные ключи	Баланс аффекта	0,24*	0,000
	Осмысленность жизни	-0,09	0,143
	Человек как открытая система	-0,01	0,901
	Автономия-2	0,26*	0,000
Индекс психологического благополучия		-0,21*	0,000

Примечание. Знаком * отмечены статистически значимые коэффициенты корреляции.

Вместе с тем получены данные о связи переживания угрозы терактов с негативными факторами риска, представленными в нашем исследовании показателями ПТС и другой психопатологической симптоматикой. Показано, что интенсивное переживание террористической угрозы сопряжено со всеми показателями методики SCL-90-r (значения коэффициентов r_s находятся в пределах от 0,27 до 0,35 на уровне значимости $p = 0,0000$) и высоким уровнем ПТС ($r_s = 0,44$, $p = 0,0000$).

Таким образом, на общей выборке была показана сопряженность, с одной стороны, ресурсных факторов, а с другой – негативных факторов риска. Показано, что чем выше уровень психологического благополучия, тем ниже интенсивность переживания террористической угрозы и ниже уровень психопатологических симптомов и посттравматического стресса.

В ходе дальнейшего анализа были учтены возрастные и половые характеристики респондентов. Во всех возрастных группах был проведен корреляционный анализ связи общего балла ОПТУ и параметров психологического благополучия. Результаты проведенного анализа для юношеской и ранней взрослой групп представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Значения коэффициентов корреляции r-Спирмена между показателями методик ШПБ и ОПТУ в юношеской (n = 133) и ранней взрослой (n = 108) группах

ШПБ		Общий индекс ОПТУ			
		Юношеская группа		Ранняя взрослая группа	
		r_s	p-level	r_s	p-level
Классические ключи	Позитивные отношения с окружающими	-0,13	0,1333	-0,10	0,2940
	Автономия-1	-0,25*	0,0042	-0,33*	0,0005
	Управление средой	-0,17	0,0523	-0,37*	0,0001
	Личностный рост	-0,09	0,2934	-0,01	0,8953
	Цели в жизни	-0,09	0,3127	-0,11	0,2430
	Самопринятие	-0,16	0,0645	-0,18	0,0643
Дополнительные ключи	Баланс аффекта	0,21*	0,0170	0,26*	0,0070
	Осмысленность жизни	-0,02	0,7868	-0,09	0,3598
	Человек как открытая система	-0,01	0,9534	0,08	0,4361
	Автономия-2	0,21*	0,0187	0,32*	0,0009
Индекс психологического благополучия		-0,18*	0,0400	-0,24*	0,0116

Примечание. Знаком * отмечены статистически значимые коэффициенты корреляции.

В обеих группах переживание террористической угрозы имеет статистически значимую отрицательную связь с общим индексом психологического благополучия и такими его компонентами, как «Автономия» (по классическим и новым ключам) и «Баланс аффекта» (положительный коэффициент объясняется обратным значением вопросов этих шкал). В группе раннего взрослого возраста индекс ОПТУ связан также со шкалой «Управление средой». Возможно, что на людях этого возраста лежит большая ответственность и ощущение собственной компетентности и обладание возможностью самостоятельно планировать свой повседневный уклад жизни имеют для них большее значение в совладании с различного рода внешними угрозами.

В старшей группе ни один из параметров психологического благополучия не взаимосвязан с переживанием угрозы терактов. Таким образом, в этой группе интенсивность переживания террористической угрозы не связана с актуальным статусом психологического благополучия, т. е. с общим ощущением удовлетворенности/неудовлетворенности собственной жизнью. Однако респонденты с низким уровнем психологического благополучия в большей степени страдают от признаков посттравматического стресса по сравнению с психологически благополучными представителями этого возраста. Полученный результат может быть связан с тем, что старшая группа

в нашем исследовании самая немногочисленная и представлена в основном женщинами. В предыдущих исследованиях уже было показано, что женщины в целом сильнее, чем мужчины, переживают террористическую угрозу, а также имеют более высокий уровень посттравматического стресса, что в свою очередь может обуславливать низкий, по сравнению с другими группами, уровень психологического благополучия. Таким образом, результаты сравнения разных возрастных групп могут испытывать на себе влияние половых различий.

Для проверки этого предположения был проведен корреляционный анализ изучаемых переменных в группах женщин и мужчин. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Значения коэффициентов корреляции r-Спирмена между показателями методик ШПБ и ОПТУ в группах женщин (n = 182) и мужчин (n = 119)

ШПБ		ОПТУ			
		Женщины		Мужчины	
		r _s	p-level	r _s	p-level
Классические ключи	Позитивные отношения с окружающими	-0,17*	0,0236	-0,16	0,0782
	Автономия-1	-0,28*	0,0002	-0,27*	0,0029
	Управление средой	-0,23*	0,0015	-0,27*	0,0032
	Личностный рост	-0,08	0,2700	-0,20*	0,0343
	Цели в жизни	-0,12	0,0969	-0,15	0,1124
	Самопринятие	-0,24*	0,0011	-0,16	0,0907
Дополнительные ключи	Баланс аффекта	0,31*	0,0000	0,13	0,1599
	Осмысленность жизни	-0,07	0,3265	-0,11	0,2210
	Человек как открытая система	-0,02	0,7455	-0,20*	0,0280
	Автономия-2	0,27*	0,0002	0,23*	0,0150
Индекс психологического благополучия		-0,25*	0,0008	-0,22*	0,0202

Примечание. Знаком * отмечены статистически значимые коэффициенты корреляции.

В группе женщин общий балл ОПТУ имеет большее количество значимых связей с компонентами психологического благополучия. Как у мужчин, так и у женщин переживание угрозы терактов обратно взаимосвязано с автономией (по классическим и новым ключам) и управлением средой. По-видимому, в переживании (или, наоборот, устойчивости) террористической угрозы для женщин также имеет большее значение наличие теплых отношений с близкими и самопринятие, а также общее позитивное ощущение своей жизни. У мужчин такое значение приобретают такие параметры благополучия, как «Личностный рост» и «Человек как открытая система».

3. Сравнительный анализ структуры психологического благополучия и признаков стресса в группах респондентов с различной интенсивностью переживания террористической угрозы

Дальнейший анализ заключался в сравнении контрастных по уровню интенсивности переживания террористической угрозы подгрупп. В качестве критерия для выделения подгрупп использовались низкие и высокие оценки по общему баллу ОПТУ. При таком разделении в группу с низкой интенсивностью переживания угрозы терактов вошли те участники исследования, чьи значения общего балла ОПТУ не менее чем на ½ стандартного отклонения ниже средней величины, а в группу с высокой интенсивностью – те участники, чьи значения общего балла ОПТУ превышают среднее значение не менее чем на ½ стандартного отклонения. Таким образом, в группу с низким уровнем переживания угрозы терактов вошли 96 человек, набравшие по методике ОПТУ от 53 до 108 баллов (Me = 95,00). Группа с высокой интенсивностью переживания террористической угрозы представлена 96 респондентами, набравшими 134–188 баллов по ОПТУ (Me = 148,50). Различия в изучаемых переменных между подгруппами анализировались с помощью U-критерия Манна – Уитни. Результаты представлены в таблице 4.

Из таблицы 4 видно, что респонденты с высоким уровнем переживания террористической угрозы статистически значимо ниже оценивают свое психологическое благополучие по таким шкалам, как «Позитивные отношения с окружающими», «Автономия», «Управление средой», «Личностный рост», «Цели в жизни», «Самопринятие», «Баланс аффекта». Их психологическое благополучие в целом ниже, чем у респондентов с низким уровнем переживания угрозы терактов.

Следует отметить, что приведенные значения в обеих подгруппах соответствуют нормам, предложенным авторами методики [10]. Тем не менее результаты сравнительного анализа позволяют описать различия между подгруппами. Так, респонденты с высоким уровнем переживания террористической угрозы в меньшей степени способны на установление близких отношений, более ориентированы на мнение окружающих при принятии решений, ниже оценивают свои способности противостоять социальному давлению. Управление повседневными делами представляется им более трудным, они чаще ощущают невозможным изменить или улучшить условия жизни и чаще испытывают чувство бессилия в управлении окружающим миром. Эти респонденты менее довольны собой, недооценивают свои силы и способности преодолевать жизненные препятствия. В целом они менее удовлетворены своей жизнью, чем респонденты с низким уровнем переживания террористической угрозы.

Таблица 4 – Сравнительный анализ параметров психологического благополучия в группах с различной интенсивностью переживания террористической угрозы

ШПБ		Me ₁	Me ₂	U	p-level
Классические ключи	Позитивные отношения с окружающими	62,50	58,00	3719,500	0,0210*
	Автономия-1	61,00	54,00	2939,500	0,0000*
	Управление средой	60,00	55,00	2988,500	0,0000*
	Личностный рост	63,00	60,00	3795,500	0,0348*
	Цели в жизни	65,00	62,00	3616,000	0,0010*
Дополнительные ключи	Самопринятие	61,00	56,00	3275,500	0,0005*
	Баланс аффекта	84,00	97,00	3014,500	0,0000*
	Осмысленность жизни	100,00	97,00	3981,000	0,1034
	Человек как открытая система	63,50	63,00	4278,000	0,3914
Автономия-2	35,50	40,50	3055,500	0,0001*	
Индекс психологического благополучия		371,00	348,50	3119,000	0,0001*

Примечание. Me₁ – значение медианы в группе с низким уровнем переживания террористической угрозы, Me₂ – в группе с высоким уровнем переживания террористической угрозы. Знаком * отмечены статистически значимые различия.

Сравнительный анализ интенсивности психопатологической симптоматики в группах респондентов с высокой и низкой интенсивностью переживания террористической угрозы показал достоверные различия между ними по всем используемым в исследовании показателям симптоматики: они выше в группе с высоким уровнем переживания угрозы терактов. Результаты представлены в таблице 5.

Таблица 5 – Сравнительный анализ признаков психопатологической симптоматики в группах с различной интенсивностью переживания террористической угрозы

		Me ₁	Me ₂	U	p-level
SCL-90-r	Соматизация	0,42	0,67	2990,500	0,0000*
	Обсессивность – компульсивность	0,40	0,90	2605,500	0,0000*
	Межличностная сензитивность	0,56	0,89	3171,500	0,0003*
	Депрессия	0,33	0,69	3042,500	0,0001*
	Тревожность	0,30	0,70	2685,500	0,0000*
	Враждебность	0,33	0,67	3211,000	0,0004*
	Фобическая тревожность	0,00	0,29	2956,000	0,0000*
	Паранойяльность	0,33	0,83	2807,500	0,0000*
	Психотизм	0,10	0,40	2855,500	0,0000*
Дополнительные симптомы	2,00	4,00	2722,000	0,0000*	
Миссисипская шкала		69,00	85,00	2093,500	0,0000*

Примечание. Me₁ – значение медианы в группе с низким уровнем переживания террористической угрозы, Me₂ – в группе с высоким уровнем переживания террористической угрозы. Знаком * отмечены статистически значимые различия.

Обсуждение результатов

В современной научной психологии накоплен обширный теоретический и эмпирический материал, свидетельствующий о стрессогенной природе информационного воздействия терроризма на социум. В связи с этим закономерным направлением развития исследований стало теоретическое и эмпирическое изучение факторов, способствующих повышению устойчивости людей к экстремальному воздействию террористической угрозы. Это соответствует и общей междисциплинарной тенденции в психологии к обращению внимания исследователей на позитивные аспекты жизнедеятельности, к разработке моделей, включающих ресурсные и защитные факторы, в противовес исследованиям уязвимости.

Современные социальные, политические, экономические и другие обстоятельства вынуждают человека прилагать значительные усилия, чтобы обезопасить себя и своих близких, достичь стабильности в повседневной жизни и при этом сохранить ощущение гармонии, благополучия, счастья. Террористическая угроза, безусловно, вносит свой вклад в создание общего негативного фона неуверенности за свое будущее, однако именно в таких условиях реализуется жизнедеятельность обычного жителя современного мегаполиса.

Уже было показано, что к числу характерологических особенностей, являющихся предикторами интенсивного переживания угрозы терактов, относится повышенная тревожность [11], понимаемая как устойчивая склонность воспринимать большой круг ситуаций как угрожающие и реагировать на такие ситуации тревогой. В контексте этого исследования тревожность рассматривалась как одна из характеристик эмоциональной сферы субъекта, обуславливающая его способность адекватно оценивать реальность террористической угрозы. Соответственно, переживание террористической угрозы рассматривалось как конкретно направленная тревога [12].

Переживаемый уровень психологического благополучия (или неблагополучия) может свидетельствовать о степени удовлетворенности потребности в безопасности. «Теоретико-эмпирическое изучение феномена психологического благополучия показывает, что он с полным основанием может быть отнесен к таким интегративным характеристикам, которые имеют тесные связи с наличествующими у субъекта признаками негативной аффективности и, следовательно, влияют на уровень психического здоровья» [13, с. 9]. В проведенном нами исследовании было показано, что переживание террористической угрозы отрицательно взаимосвязано с большинством компонентов психологического благополучия (позитивные отношения с окружающими, автономия, управление средой, личностный рост, цели в жизни, самопринятие, баланс аффекта). В то же время это переживание сопряжено с высоким уровнем психопатологических симптомов и признаками посттравматического стресса. Таким образом, снижение или отсутствие внутренних защитных ресурсов негативно сказывается на общей жизнеспособности индивида, обостряя его чувствительность к различным угрозам. Переживание террористической угрозы при этом можно рассматривать как модель особого вида стрессоров, незримо присутствующих в жизни социума и вынуждающих людей соотносить свою жизненную активность с субъективной оценкой вероятности пострадать от этого стрессора.

Полученные в предыдущих исследованиях [14] данные о возрастной и половой специфике переживания террористической угрозы были подтверждены в настоящей работе. Показано, что группа респондентов ранней взрослости (от 22 до 35 лет) представляется наиболее оптимально функционирующей с точки зрения жизнеспособности. Эта группа обладает более высоким психологическим благополучием, менее выраженной психопатологической симптоматикой и менее интенсивным переживанием террористической угрозы по сравнению с другими возрастными группами.

Результаты изучения жизнеспособности в условиях переживания террористической угрозы в действительности могут быть применены и к объяснению других угроз, действующих в современном обществе.

Ссылки:

1. Comorbidity of 9/11-Related PTSD and Depression in the World Trade Center Health Register 10–11 Years Postdisaster / K. Caramanica, R.M. Brackbill, T. Liao, S.D. Stellman // *Journal of Traumatic Stress*. 2014. Vol. 27, no. 6. P. 680–688. <https://doi.org/10.1002/jts.21972>; Mental and Physical Health Consequences of the September 11, 2001 (9/11) Attacks in Primary Care: A Longitudinal Study / Y. Neria, P. Wickramaratne, M. Olfson, M.J. Gameroff, D.J. Pilowsky, R. Lantigua, S. Shea, M.M. Weissman // *Ibid.* 2013. Vol. 26, no. 1. P. 45–55. <https://doi.org/10.1002/jts.21767>; Trajectories of PTSD among Lower Manhattan Residents and Area Workers Following the 2001 World Trade Center Disaster, 2003–2012 / A.E. Welch, K. Caramanica, C.B. Maslow, R.M. Brackbill, S.D. Stellman, M.R. Farfel // *Ibid.* 2016. Vol. 29, no. 2. P. 158–166. <https://doi.org/10.1002/jts.22090>; Thoresen S., Jensen T.K., Dyb G. Media Participation and Mental Health in Terrorist Attack Survivors // *Ibid.* 2014. Vol. 27, no. 6. P. 639–646. <https://doi.org/10.1002/jts.21971>.
2. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы / Н.В. Тарабрина, В.А. Агарков, Ю.В. Быховец, Е.С. Калмыкова, А.В. Макаруч, М.А. Падун, Е.Г. Удачина, З.Г. Химчан, Н.Е. Шаталова, А.И. Щепина. М., 2007. 208 с.
3. Махнач А.В., Дикая Л.Г. Междисциплинарные и межсистемные исследования жизнеспособности человека: состояние и перспективы (вместо введения) // *Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты* / отв. ред. А.В. Махнач, Л.Г. Дикая. М., 2016. С. 7–28.
4. Mukherjee S., Kumar U. Psychological Resilience: A Conceptual Review of Theory and Research // *The Routledge International Handbook of Psychological Resilience* / ed. by U. Kumar. L.; N. Y., 2017. P. 3–11.
5. *Ibid.*
6. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // *Психологическая диагностика*. 2005. № 3. С. 95–129.
7. Практическое руководство ...
8. Там же.
9. Быховец Ю.В., Тарабрина Н.В. Психологическая оценка переживания террористической угрозы : руководство. М., 2010. 85 с.
10. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Указ. соч.
11. Быховец Ю.В., Тарабрина Н.В. Указ. соч.
12. Там же.
13. Журавлев А.Л., Тарабрина Н.В. Психологическая безопасность: на пути к комплексным междисциплинарным исследованиям (вместо предисловия) // *Проблемы психологической безопасности* / отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. М., 2012. С. 5–21.
14. Тарабрина Н.В., Быховец Ю.В. Террористическая угроза: теоретико-эмпирическое исследование. М., 2014. 160 с.

References:

Bykhovets, YuV & Tarabrina, NV 2010, *Psychological assessment of resilience to a terroristic threat*, manual, Moscow, 85 p., (in Russian).

Caramanica, K, Brackbill, RM, Liao, T & Stellman, SD 2014, 'Comorbidity of 9/11-Related PTSD and Depression in the World Trade Center Health Register 10–11 Years Postdisaster', *Journal of Traumatic Stress*, vol. 27, no. 6, pp. 680–688. <https://doi.org/10.1002/jts.21972>

- Makhnach, AV & Dikaya, LG 2016, 'Interdisciplinary and intersystem studies on human viability: status and prospects (instead of introduction)', *Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nyye, professional'nyye i sotsial'nyye aspekty*, Moscow, pp. 7-28, (in Russian).
- Mukherjee, S & Kumar, U 2017, 'Psychological Resilience: A Conceptual Review of Theory and Research', *The Routledge International Handbook of Psychological Resilience*, London, New York, pp. 3–11.
- Neria, Y, Wickramaratne, P, Olfson, M, Gameroff, MJ, Pilowsky, DJ, Lantigua, R, Shea, S & Weissman, MM 2013, 'Mental and Physical Health Consequences of the September 11, 2001 (9/11) Attacks in Primary Care: A Longitudinal Study', *Journal of Traumatic Stress*, vol. 26, no. 1, pp. 45–55. <https://doi.org/10.1002/jts.21767>.
- Shevelenkova, TD & Fesenko, PP 2005, 'Psychological well-being of the personality (views on main concepts and research methods)', *Psikhologicheskaya diagnostika*, no. 3, pp. 95-129, (in Russian).
- Tarabrina, NV, Agarkov, VA, Bykhovets, YuV, Kalmykova, ES, Makarchuk, AV, Padun, MA, Udachina, EG, Khimchyan, ZG, Shatalova, NE & Shchepina, AI 2007, *Practical guidance on the PTSD psychology. Part 1. Theory and methods*, Moscow, 208 p., (in Russian).
- Tarabrina, NV & Bykhovets, YuV 2014, *Terroristic threat: a theoretical empirical research*, Moscow, 160 p., (in Russian).
- Thoresen, S, Jensen, TK & Dyb, G 2014, 'Media Participation and Mental Health in Terrorist Attack Survivors', *Journal of Traumatic Stress*, vol. 27, no. 6, pp. 639–646. <https://doi.org/10.1002/jts.21971>.
- Welch, AE, Caramanica, K, Maslow, CB, Brackbill, RM, Stellman, SD & Farfel, MR 2016, 'Trajectories of PTSD among Lower Manhattan Residents and Area Workers Following the 2001 World Trade Center Disaster, 2003–2012', *Journal of Traumatic Stress*, vol. 29, no. 2, pp. 158–166. <https://doi.org/10.1002/jts.22090>.
- Zhuravlev, AL & Tarabrina, NV 2012, 'Psychological safety: towards the integrated interdisciplinary research (instead of the preface)', *Problemy psikhologicheskoy bezopasnosti*, Moscow, pp. 5-21, (in Russian).